

Кристофер Прист

Кремация

*Часть сборника
Архипелаг Грез (сборник)*

Кристофер Прист

Кремация

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Кремация / К. Прист — «Эксмо», 1978

«На кремации Грайан Шильд побывал первый раз в жизни. В краях, где он вырос, подобное считалась делом неслыханным, практиковалось только в особых случаях и исключительно по решению суда. Мертвецов полагалось опускать в землю, сама мысль, что тело можно сжечь, шокировала людей...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Прист К., 1978
© Эксмо, 1978

Кристофер Прист

Кремация

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

На кремации Грайан Шильд побывал первый раз в жизни.

В краях, где он вырос, подобное считалось делом неслыханным, практиковалось только в особых случаях и исключительно по решению суда. Мертвецов полагалось опускать в землю, сама мысль, что тело можно сжечь, шокировала людей. А ведь к чему привык – то тебе и закон. За свое недолгое пребывание на островах Шильд не то чтоб специально, но обратил внимание на несколько крупных кладбищ и вплоть до сегодняшнего дня думал, что и здесь погребение – главный и единственный способ проводить человека в мир иной. А потому на похоронах Корина Мерсье он был, мягко говоря, удивлен.

Поначалу все было как у людей: часовня при кладбище, недолгое отпевание. В церкви Шильд мало что понял – до этого он бывал на похоронах всего пару раз, к тому же служба шла на неизвестном ему языке. Но церемония в целом – печальные речи, грустная атмосфера, скорбные лица – показалась ему вполне привычной.

Поэтому, когда присутствующие отдали дань памяти покойному, Шильд предположил, что дальше начнется ритуал погребения. Вместо этого гроб водрузили на большую тележку и повезли в неприметное здание по соседству, прикрытое декоративными деревцами. Скорбящие тихой процессией направились следом и, оказавшись посреди мощеного двора, на который из здания выходили две двери со встроенными жалюзи, какое-то время стояли молча. Гроб закатили внутрь, помещение заперли изнутри. Недолго потоптавшись у входа, люди стали расходиться и перемещаться в сторону парковки к своим автомобилям.

Мероприятие еще раз напомнило ему, как все-таки велика разница между его прошлой жизнью в Федерации и нынешней долей эмигранта на островах прекрасного Архипелага.

Местные его так и не приняли, он ни с кем не сдружился и не сблизился, скучал по родным местам, по семье и прежнему дому. Он по большей части уже сожалел и о своем переезде сюда. Все было таким непонятным и путаным, с кучей правил, ненужных и архаичных, которые крепко-накрепко врезались в подкорку аборигенов. Испытанием было пойти в ресторан, наведаться в магазин, встретить человека на улице – каждый эпизод таил в себе потенциальный конфликт или недоразумение.

И хотя со временем Шильд начал постепенно приспосабливаться к образу жизни на Форте, куда он прибыл полтора месяца назад, это была его первая поездка на другой остров. Треллин находился от Форта на расстоянии нескольких паромных пересадок. Он пробыл здесь всего несколько часов и уже страдал от культурного шока, начиная понимать, как сильно разнится жизнь от острова к острову, как путаны традиции и противоречивы нравы.

Например, по прибытии на Треллин, родину Корина Мерсье, выяснилось, что большинство гостей, а также все члены семьи, говорят на совершенно непонятном островном диалекте. Шильда представили близким родственникам умершего – его вдове Джильде,

сыновьям Томару и Фертину, и те из вежливости стали общаться с ним так, чтобы он их понимал. Но через некоторое время Томар отвел гостя в сторонку и тактично объяснил, что здесь, согласно обычаям, во время похорон принято изъясняться на языке, который предпочитал усопший.

– Понимаете, нам самим нелегко соблюдать все эти древние традиции, – попытался подсластить пилюлю Томар, но вскоре Шильд услышал, как бойко он общается с другими гостями на своем диалекте, без каких бы то ни было затруднений.

Цветов не было: смерть Корина Мерсье относилась как раз к тем случаям, когда цветы для покойника считались жестом дурного тона. Неуместный букет, которым успел обзавестись Грайан перед похоронами, пришлось оставить у черного входа, подальше от посторонних глаз. Слуги шарахались от цветов как от чумы, ни один не согласился даже взять букет в руки. На отпевании все стояли, даже женщины. С костюмом он угадал: все были в черном. Но не угадал с головным убором, строго обязательным. Так что сын покойного перед отправлением в церковь одолжил ему черный шарф из плотной материи. Шильд не знал, когда можно будет снять его с головы, а потому решил ориентироваться по присутствующим.

Пока автомобили, выстроившись вереницей, неспешно ехали к особняку Мерсье, Шильд напряженно обдумывал, когда и под каким предлогом удобнее будет сбежать, никого не обидев и не нарушив традиций.

Ему выделили место в одной из первых машин кортежа. Вернувшись в дом Мерсье, Шильд с горсткой престарелых попутчиков направился вглубь особняка. Они миновали ряд комнат с распахнутыми дверями, наполненными дорогой мебелью и отгороженными натянутыми веревками – словно во дворце, временно открытом для публики. Из дальней части дома открывался вид на поместье с обширным парком.

Парк простирался до джунглей, которые плотно покрывали эту часть острова. Вблизи особняка сохранялся декоративный ландшафт, повсюду были разбиты сады с неглубокими озерцами и клумбами. Дальше от дома начиналось неукротимое буйство природы. Впрочем, времени, чтобы полюбоваться красотами, не было. Слуги, стоявшие на пути, с угодливой настойчивостью направляли гостей по усыпанной гравием тропке вдоль сада, мимо клумб, вокруг пруда – туда, где неподалеку от главного особняка на просторной лужайке были накрыты столы.

Место оказалось довольно депрессивным, с трех сторон оно было окружено высокой стеной, заросшей выющимися растениями. Открытая сторона сада упиралась в непроходимые тропические джунгли.

Во время службы обрушился проливной дождь, а теперь с безоблачного неба нещадно палило солнце. С подсыхающей почвы шел пар, давила духота, хотелось снять с себя строгий костюм. Толстый шарф стискивал голову, волосы налипли на лоб, пот стекал по вискам. Дожидаюсь остальных гостей, Шильд медленно гулял по саду, стараясь выглядеть уверенным в себе и спокойным.

На высоком фундаменте стояла увитая плющом веранда. Укрывшись в ее тени, Шильд наслаждался мгновеньем прохлады. Подошел слуга, протянул ему бокал белого вина и пригласил присоединиться к гостям в центре сада.

Наконец прибыли сыновья покойного, Фертин и Томар Мерсье. Они с явным облегчением стянули с себя шляпы. Фертин встряхнул головой и запустил пятерню в копну кудрявых, мокрых от пота волос. Грайан также с радостью снял с себя шарф и, опустив его на пол в ближайшем углу веранды, вытер вспотевшее лицо.

Большинство гостей были среднего или пожилого возраста. Исключение составляли лишь сыновья покойного, да, пожалуй, еще кое-кто. Эту молодую особу Шильд заметил еще в церкви. Вернее сказать, он заметил, что она его заметила.

В отличие от немолодых родственников, охваченных вполне объяснимой печалью, Шильд не испытывал чувства потери, а потому с любопытством рассматривал входящих в церковь людей. И, конечно, взглянул на молодую женщину, которая появилась на пороге без сопровождающего. Та ответила прямым и откровенным взглядом, полным столь искреннего любопытства, что он в замешательстве отвернулся. Через пару минут, когда служба уже началась, Шильд еще посмотрел в ее сторону и понял, что продолжает оставаться для нее объектом изучения и интереса такого сорта, ошибиться в котором было невозможно. Почувствовать такой отклик от совершенно незнакомой женщины в совсем не располагающей к тому обстановке, да еще и на семейных похоронах, было весьма странно.

А также, что особенно беспокоило Шильда, чертовски несвоевременно и нежелательно. Он еще толком не выпутался из отношений с женщинами у себя на родине, чтобы здесь начинать новые. Его недолгое пребывание на Форте, в добровольном изгнании и сексуальном воздержании, уже приносило свои плоды. Свобода от эмоциональных потребностей дала возможность подумать о будущем, и даже три преследующих его адвоката смягчили тон своих писем.

Глядя на незнакомку в церкви, Грайан почувствовал приближение беды. У этой беды был очень знакомый вид – точно с такой же он не смог справиться всего пару месяцев тому назад. И сейчас, глядя на то, как она стоит, как держится, как наклоняет голову, как во всех движениях ее тела проявляется желание и приглашение, Шильд не мог не почувствовать страстного желания. Но все это было страшно неуместно в данных обстоятельствах, к тому же их разделяла огромная социальная и культурная дистанция, что делало связь между ними недопустимой и невозможной.

Позднее, когда все молча стояли возле крематория, незнакомка подошла и встала рядом. Хотя они не разговаривали и даже не взглянули друг на друга, Шильд почувствовал с ее стороны почти осязаемое напряжение.

Он не хотел ее. Он сейчас никого не хотел. Но переживая во влажной духоте невидимый и загадочный обряд кремации, он думал не о незнакомом ему покойнике, о котором должен был скорбеть. Он думал о незнакомке.

Когда уже расходились по автомобилям, немолодая женщина обратилась к ней с каким-то вопросом. Теперь он знал ее имя: Аланья.

Шильд медленно блуждал меж расставленных на лужайке столов, читая надписи на карточках возле каждого сервировочного набора. Свое место он нашел довольно быстро – малопочетный маленький столик с краю. А вот ее табличка обнаружилась за главным столом. Еще одна Мерсье среди многих: Аланья Мерсье.

Осушив бокал, Шильд подхватил с подноса еще один и, устроившись в тени веранды, наблюдал, как лужайка мало-помалу заполняется людьми. Наконец, сквозь калитку в стене вошла Аланья, поддерживая под руку Джильду – вдову Корина Мерсье. Спутницы негромко разговаривали между собой на местном наречии, затем разошлись в разные стороны, разыскивая свои места за поминальным столом. Аланья двигалась вдоль главного ряда, неторопливо читая карточки. Наконец, нашла свое имя и, обернувшись, вдруг посмотрела на Шильда. В ее взгляде сквозила такая явная откровенность, что он снова первым отвел глаза.

Шильд не мог отделаться от мысли, что пристальное внимание к нему молодой женщины – не просто интрижка, а что-то вроде способа отделить его от остальных гостей. Он и так оторван от них возрастом, языком и культурой. И если хоть как-то ответит на ее призыв, то отчуждение станет полным. Как мог он, пришелец и чужак, в столь печальный день ухаживать за представительницей скорбящей семьи? Он и в помыслах не держал...

Шильд снова попытался изгнать Аланью из своих мыслей. Он и попал-то сюда случайно. В последнюю минуту был вынужден представлять своего дядю на похоронах уни-

верситетского однокурсника. Чистая формальность. Дядя не мог присутствовать лично из-за ограничений военного времени на любые перемещения за пределы материка.

Сидя за столом, Шильд невольно бросал взгляды на Аланью. После трапезы присутствующие небольшими компаниями расположились на лужайке, болтая на своем языке. Мероприятие все больше напоминало светский раут; атмосфера всеобщей подавленности потихоньку рассеивалась. Шильд остался один, в гнетущей изоляции, и не знал, куда себя пристроить. Он попробовал улизнуть, как будто бы в поисках туалета, однако был перехвачен слугой. Тот направил его к шатру в углу сада, где по такому случаю установили временные удобства.

Только сейчас Шильд обратил внимание, что кроме слуг, подносящих гостям напитки и закуски, здесь есть и те, кто больше напоминал телохранителей или охрану. Тут и там по лужайке, особенно в стратегических точках и ближе к выходу, расположились безупречно одетые люди, державшие себя почтительно и молчаливо. Покинуть мероприятие не удалось, и Шильд решил напиться до беспамятства и скоротать остаток времени в забвенье.

Аланья Мерсье в дальней части сада беседовала с какой-то женщиной, судя по всему, одной из сестер покойного. Грайана Аланья откровенно игнорировала, и ему даже стало странно, как он допустил мысль, что она могла посылать ему тайные знаки. Эта мысль принесла облегчение.

Шло время, он выпил еще несколько бокалов. Уже не в первый раз ему почудилось, будто бы за спиной кто-то назвал его имя, но, когда обернулся, оказалось, что собеседники на него и не смотрят. Наверное, решил он, на их языке «грайаншильд» что-то значит, уж слишком часто они повторяют это сочетание вслух.

Он снова собрался улизнуть и стал осматриваться по сторонам, решая, где бы оставить свой бокал. Недалеко от столика, где он сидел, неспешно прохаживалась Аланья Мерсье. Она шла к нему, читая надписи на карточках с указанием имен гостей.

Она знала, что он наблюдает за ней, и подняла глаза. На мгновение их взгляды встретились. По ее губам скользнула улыбка, она подошла поближе.

– Я хочу прогуляться, Грайан Шильд, – сообщила она без долгих предисловий. – Полагаю, вы слышаны о здешних скалах? Не хотите полюбоваться? Там у нас гостевой домик с прекрасным видом. Можем провести некоторое время наедине.

Прежде чем у него отвисла челюсть от неожиданности, она повернулась и стала потихоньку удаляться, как бы любуясь пышными тропическими цветами на клумбах.

Шильд растерянно оцепенел от слишком большого количества факторов: откровенное бесстыдство ее предложения, культурный шок от столкновения с обычаями и традициями островитян, интерес и очевидное физическое влечение к Аланье, слишком много алкоголя в жаркий день... Все это тянуло его в разные стороны.

Он напряженно размышлял, пока она не дошла до границы лужайки и ступила на заросшую тропку, уходящую в джунгли. А потом пошел следом. Легкой походкой пересек лужайку, делая вид, что восхищается экзотическими цветами и стараясь выглядеть непринужденно.

Лес был наполнен влажными ароматами тропиков. Сюда не проникало полуденное солнце, что так жарко палило в саду, и под густыми кронами блестели капли воды от недавно прошедшего ливня. Терпкий и приторный запах исходил от нагретой коры. Перекликались какие-то птицы, а может, животные.

Меж невысоких деревьев вилась узкая тропка, и вскоре впереди мелькнуло иссиня-черное платье Аланьи. Она шла, не оборачиваясь и никоим образом не выдавая, что слышит, как он пробирается следом.

Когда Шильд догнал ее, она спросила, не поворачивая головы:

– Кто вы такой?

– Вы прочли мое имя на карточке.

Следуя за ней по пятам, он невольно залюбовался ее формами. Она придерживала платье, чтоб не замарать его о влажную землю, и эластичная ткань соблазнительно натягивалась на бедрах.

– Что же вы делаете на наших похоронах, Грайан Шильд?

– Я прибыл по поручению дядюшки. – Он вкратце поведал о полученной два дня назад телеграмме и о пути, который занял весь день и всю ночь.

– Грайан Шильд, – размышляла она. – Это не островное имя.

– Так и есть.

– От чего же вы прячетесь здесь? От призыва в армию? От налогов?

– Ни то ни другое.

– Беглый преступник?

– Есть масса других поводов переехать на острова.

– Наслышана, наслышана. Вы не первый. А вот мы здесь живем с молодых лет.

– Прекрасно вас понимаю.

За все время разговора она ни разу на него не взглянула и не обернулась. Она продиралась сквозь колючий кустарник, и вслед за ней в лицо Шильду летели брызги. Капли сорвавшейся с веток воды оседали на платье, как крошечные драгоценные камни.

– Выходит, для вас тут – сплошь чужие лица?..

– Мне успели представить вдову покойного и его сыновей.

– Я так и думала. – Аланья обернулась и мельком взглянула на него. Что-то новое промелькнуло в ее глазах – живая мысль вместо просчитанного посыла. Она откинула на шляпку вуаль, устремив к нему бледное и откровенно доверчивое лицо.

– Зачем вам вообще думать обо мне? – спросил он.

– Просто навожу о вас справки. К тому же вы выглядите обеспокоенным.

– Странно, особенно в нынешней ситуации, что моя личность имеет хоть какое-нибудь значение.

– Имеет, Грайан Шильд, еще какое.

Она постоянно повторяла его полное имя. Есть ли в этом какой-то смысл, или все дело в акценте? А может, по забавному совпадению, эти слова что-то значат на их наречии – ведь он уже слышал их от других. Возможно, он неправильно понял значение сегодняшних событий и это вообще не похороны? А то, что он счел откровенным, не в меру уместным заигрыванием – тоже очередное недоразумение из-за полного непонимания им островных традиций и обычаев? Погрузившись в мысли, Шильд запнулся о корень, выпирающий из земли.

Разыгралась жара, и он снова пожалел, что поплелся за девушкой в лес и продирается сквозь буйную растительность, пытаясь поддерживать светскую беседу. Он устал следовать за ней, как собачонка, и слушать ее, не видя выражения лица. Но вот тропа немного расширилась, и Шильд поравнялся со спутницей. Даже не взглянув на него, она ускорила шаг. Тропа вновь сузилась, и он решил прекратить бессмысленную погоню. Аланья Мерсье прошла по инерции несколько шагов, полагая, что он движется следом, затем, разгадав его намерение, обернулась к нему лицом.

– Вы ведь никогда не бывали на наших похоронах?

– Нет, но бывал на материке.

– И уж точно не на кремации, – заметила она. – Это бросается в глаза. Вы растерялись, когда гроб понесли к печи.

– Да, правда.

– Для нас это тоже в диковинку. Из нашей родни еще никого так не хоронили.

– А теперь что, какой-то особый случай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.